

Получив приказ немедленно отправиться в Новозыбков и там организовать командование, взяв в руки отошедшие из Киева красные части, мы приступили к его выполнению.

Прибыв на станцию Новозыбков, мы нашли там значительное оживление. Здесь находился штаб 12-й армии, еще не устроившийся, но имевший связь со штабом частей, отошедших из Киева на правобережье — к р. Тетереву и на левобережье — к Чернигову. Все перемешалось за время отхода. Обилие групп и группочек подтверждало это смешение отошедших частей. Войсковые части уже нашли кое-какое управление в виде штабов различных групп.

Недалеко от Чернигова, к северу, расположилась кавалерийская бригада Гребенки, сформированная в свое время из революционных бойцов Киевщины, Полтавщины и Черниговщины, организованных в отряды в нейтральной зоне между немцами и завесой из частей Красной гвардии, находившихся под Унечей. Эта бригада исколесила весь юго-западный район Украины и теперь волей судеб вернулась почти в свое исходное положение. Оторвавшись от остальных частей армии, она не избежала необходимости перейти на подножный корм местного населения.

По шоссе из Чернигова на Гомель, у местечка Репки, отмечен неизвестный партизанский отряд, изредка обстреливающий проезжающих. К западу от Чернигова отмечено присутствие красной венгерской кавалерийской дивизии. Во главе дивизии стоит интендант русской службы Добровольский. Дивизия расположилась на широких квартирах и широко применяла бесплатные фуражировки. Далее по р. Десне, Сожу и Днепру — отряды неизвестных партизан, обстреливающие и досматривающие караваны судов, тянувшихся с эвакуируемыми грузами из Киева к пристаням Чернигова, Гомеля и Могилева. В устье реки Десны и вблизи возвышенностей Вышгорода, почти у самого Киева, задержались красные боевые речные флотилии, прикрывая эвакуацию и ежеминутно угрожая налетом на пристани Киева.

В лесах по долине р. Тетерева и Здвижа, лицом на восток — к Киеву, спиной на запад, стоят бойцы группы тт. Голяго и Павлова. Вот почти у самого Житомира — славная 44-я дивизия имени Щорса под командой тов. Дубового. Она ведет тяжелую борьбу с деникинцами в направлении на Фастов, с галичанами и петлюровцами — по направлению на юго-запад и чувствует с северо-запада булавочные уколы вновь нарождающегося врага — поляков.

По всем рекам, грунтовым и железным дорогам еще идут караваны судов, обозы и поезда с эвакуируемыми людьми и грузами. Все станции и пристани переполнены. Здесь и персонал эвакуируемых учреждений, и местные служащие, и рабочие, организовавшие воскресник помощи эвакуации; здесь и охрана железнодорожная, райсахара, райспирта, железкома, опродкома и т. д.

А враг не ограничился захватом Киева — он продолжал наступать и с юга и с запада. Надо было срочно остановить его. Радиотелеграф нервно выстукивал вести о том, что две красные дивизии, отрезанные в районе Одессы, еще идут на север. Вчера их слышала станция 44-й стрелковой дивизии. В районе отхода частей армии находится Украинское советское правительство. Надо спешить представиться ему. Оно — в Чернигове, в непосредственной близости к фронту. Оно пережило все вынужденные отходы последних месяцев и ясно представляет положение.

Член Реввоенсовета армии уже связался с РВС Гомельского укрепленного района, там можно получить машину и к середине следующего дня быть в Чернигове. И экстренный поезд спешит в Гомель. В темноте с трудом удастся отыскать штаб укрепленного района. Бледные, усталые от бессонных ночей лица штабных работников. В комнате РВС тов. Кедров, являющийся душой всей работы, освещает коротко и сухо положение железнодорожного узла, нового формирования «крепостной» бригады, положение на польском фронте, фортификационных сооружений и т. д., а затем ставятся вопросы о намеченном подчинении и плане дальнейшей борьбы. Ясно одно: по железным дорогам в течение двух недель возить ничего нельзя вследствие загруженности станций, отсутствия паровозов и топлива. Только по линии Коростень — Калинковичи — Гомель можно, пользуясь «топливом с корня», т. е. непосредственной порубкой леса около железнодорожного полотна, кое-что провезти на Гомель.

Около полудня РВС армии уже в Чернигове. Короткий доклад правительству. Подробное знакомство с военным положением в штабе группы тов. Мартыненко: четкости в знании расположения своих частей и противника нет. Большое неудовольствие по адресу конной бригады Гребенки, которая «партизанит», и некоторое неудовольствие по адресу конной бригады червонных казаков тов. Примакова, которые все рвутся в рейд на дер. Веркеевку, связавшись там с партизанами Николы Крапивянского; в стремлении не терять времени они не хотят ждать общего наступления.

В маленькой комнатке полуразрушенного дома, под шепот местных жителей у замочной скважины, пришедших погля-

деть на самых «больших большевиков», собирается военное совещание расширенного заседания РВС армии. В комнате меньше десятка командиров. Главное внимание обращено на присутствие кавалеристов и броневиков, которым придется выступить первыми для прикрытия шоссе от Чернигова на Киев. Выясняется, что полученные только что сведения не позволяют рассчитывать на кавалеристов Гребенки, так как в полках обсуждалось и было принято решение «уходить в партизаны», а там и дальше — к Петлюре. Командование венгерской дивизии в лице Добровольского и его штаба бежало, как передают, к деникинцам, и эскадроны дивизии остались без начальства. Из кавалерии только червонная бригада тов. Примакова и конный матросский полк тов. Можняка готовы к бою.

Быстро зреет решение. Выиграть время на организацию частей, дать им возможность отдохнуть и пополниться, затем ударить на Киев от Чернигова. Но прежде всего привести в порядок колеблющихся и кандидатов в изменники. На первых можно воздействовать убедительным словом, на вторых — немедленным ударом. Тов. Примаков ночью же должен обезоружить бригаду Гребенки, забрав лошадей и седла. В венгерскую дивизию посылаются политические работники и командиры. Броневикам приказано выступить по шоссе на юг от Чернигова. Недостающий бензин заменить спиртом с местного склада. Пехотным отрядам получить из местного отдела снабжения армии «мозаичную обувь». Так назывались ботинки с массой заплаток на верхах, несметным количеством латок на подметках и торчащих гвоздей внутри. Но и этой обуви, за недостатком, все были рады, только «индивидуальная пригонка» вынуждала подчас обладателя мозаичной пары ботинок одной ноги использовать, а другой, как недомерок, предлагать соседу.

Около 12 часов ночи автомобиль готов к отъезду по шоссе на Гомель, с тем чтобы оттуда поспешить на другой фланг армии — к Житомиру. Все наперебой уговаривают не ехать ночью, так как по шоссе грабежи и обстрелы. Необходимость требует немедленного отъезда. Смеясь, садившиеся в автомобиль говорили, что такие детины, как член РВС фронта тов. Берзин и член Реввоенсовета армии, справятся с любыми бандитами (оба ростом выше 2 аршин 12 вершков). Под смех не взяли даже винтовок, только начпродком армии тов. Зиновьев имел винтовку. Через полчаса машина с полными огнями неслась по направлению к с. Репки. Вдруг равномерный шум мотора пронизали отрывистые выстрелы, и справа от дороги промелькнули в кустах огоньки. Пули просвистели над головой. Все пригнулись и крикнули: «Туши огни». В этот

момент с другой стороны дороги послышался тот же треск выстрелов. Машина неслась с предельной скоростью. Барашки кольца, крепящего скат колеса на старом автомобиле «Паккард», не выдержали и лопнули; кольца заднего ската со звоном отлетели на шоссе, а обода с покрышками — в поле. Проехались на брюхе автомобиля. Чуть-чуть стукнулись затылками. Из зоны обстрела выскочили, но неожиданно оказались на мели: в темноте трудно найти покрышки и еще труднее — кольцо. Часть пассажиров с револьверами в руках направилась по шоссе к кустам, откуда раздавались выстрелы, остальные отыскивали колеса. Сероватая мгла скрыла в своей пелене «охотников за дорожной дичью», как говорили в те времена, и через три часа машина опять понеслась к Гомелю.

Здесь выяснилось, что конная бригада Гребенки разошлась «партизанить». Несколько человек этой бригады явились в штаб армии и заявили, что атаман Баляс готов вновь сформировать бригаду где-нибудь в Клинцах, что «хлопцы» разошлись, так как не верят Гребенке. Надо было спешить с подбором кадра командиров и политработников, которые помогли бы новоявленному командиру-атаману сформировать бригаду. Удачно наметили тов. Гринева, старого кавалериста, испытанного в боях и освоившегося со всякими неожиданностями при новых формированиях. Быстро составили воззвание к «славным бойцам» конной бригады и объявили, что все верные делу трудящихся должны собраться в Клинцах, где через несколько дней им сделает смотр РВС армии.

Смотр производился выстроенным в одну шеренгу эскадронам, которые растянулись на четыре версты (они не умели строиться иначе). Вообще понятие строя отсутствовало, все толкались, обменивались замечаниями; одни всадники скакали к строю, другие — от него. Бойцы смотрели на нас как на виновников всех несчастий, и в их ответах на приветствия проглядывало беспокойство и враждебность. Надо было быстрее переломить это настроение. Член РВС армии тов. Аралов в короткой, отрывистой и вразумительной речи разъяснил значение классовой борьбы с многочисленными врагами; подчеркнул важность неорганизованности их: Петлюра, например, готов подраться с деникинцами из-за Киева, и призывал к скорейшей организации для того, чтобы всыпать и тем и другим.

В массе слышны были толки о чьей-то измене, кое-где спрашивали: «Что, опять рубить лозу заставите?»

Обстановка требовала перехода к действиям, устраняющим неопределенность положения. Коротко — надо было командовать. Но как взять в руки массу, чтобы она приняла

новых командиров? Было решено, что тов. Баляс должен быть заменен теперь же тов. Гриневым. Вновь обращаясь к бойцам, тов. Аралов продолжал в таком роде:

— Вот вы прошли всю Украину, дрались в бесчисленных боях и через год вновь очутились в Клинцах, откуда и начинали дело освобождения трудящихся. Чем можно объяснить это? Силой врага? Нет, с врагом кучки, а с нами весь трудовой люд. Слабость внутри нас. Надо организоваться, надо выучиться владеть конем и оружием, тогда никакой враг не будет нам страшен. Давайте проверим, как мы владеем конем. Вот старый кавалерист, тов. Гринев, поведет вас в примерную атаку на кусты, что видны в тысяче шагов отсюда...

Гринев быстро прокричал какие-то слова команды, и лавина черных папах, красных башлыков с приподнятыми шашками рванулась вперед. Что-то стихийное чувствовалось в этом порыве, но трудности полевой езды для непривычных быстро сказались: уже есть спешившиеся; некоторые, прихрамывая, бегут за конем; кое-где остаются сидеть на месте. Учение закончено. Разбор.

— Вот, товарищи, вы сами убедились, что без выучки даже кусты трудно атаковать. Новый командир бригады, тов. Гринев, будет учить вас здесь неделю, а затем выступите на фронт. Тов. Баляс будет его помощником.

Ни одного звука протеста. Все деловито одергивают снаряжение.

— До скорого свидания, товарищи!

В ответ звучит дружественный крик:

— Счастливый путь...

Здесь же, в Клинцах, уже развернул свою работу тов. Звездов, неизменный начальник Управления по формированию. Но это название — «Управление» — не определяло той истинной роли, которую оно играло во всем деле подготовки и обеспечения побед. Тов. Звездов принимал пополнение из тыла, мобилизовал местные силы и средства, помогал местному производству, обеспечивал транспорт топливом и рабочей силой, боролся с шайками бандитов, охранял порядок в городах и т. д.

Самое важное: он был подвижен и точен в исполнении, как старый солдат. Заводской рабочий, прошедший трудную подпольную жизнь, бывший в боевых отрядах, выдавший виды человек, он из трудного положения умел находить выход. Вот и теперь, получив босые роты пополнения, он уже «разместил заказ» местным ремесленникам на 100 пар обуви, уже наметил к пуску завод по выделке кож, заглянул на фабрику сукон и выяснил, что имеется для производства все,

кроме топлива. заготовкой которого занялись уже команды красноармейцев; на оборудованном стрельбище, гордости упраформа, учебные команды уже проходят учебную стрельбу.

Еще не закончена подготовительная организационная работа и накопление сил и средств для ответного удара врагу, еще много трудов предстоит в этом отношении. Но время не ждет, так как белые наступают со всех сторон. Две красные дивизии, подававшие о себе вести по радио с юга, прорвали фронт противника и соединились со своей армией в районе Фастова. Под общей командой тов. Якира 45-я и 58-я стрелковые дивизии, чувствуя слабость и зная о неукрепленности его тыла, настойчиво рвутся к атаке Киева с запада, считая, что достаточно небольшого нажима, чтобы разбить врага. Это настроение частей отмечалось на собрании высшего командного состава дивизий правобережной группы. Оно несколько поколебало решение относительно общего мощного удара под Черниговом, которое было связано с боями и в Брянском районе и на непосредственных путях к Москве от Орла. В конце сентября 1919 г. правобережная группа перешла в частное наступление для захвата Киева. Противник не ожидал солидного удара с этой стороны, и красным дивизиям удалось ворваться в город и захватить район Николаевского сквера, где было организовано сильное сопротивление засевшего противника. Несколько дней продолжалась борьба внутри города, бои за отдельные улицы и здания.

Быстрая подброска подкреплений исключалась, так как снято было все, что только возможно, даже в ущерб обеспечению этих боев со стороны Казатина и Житомира. Трудность положения заключалась в том, что пополнение патронов и некоторых видов снарядов могло производиться только за счет противника, так как подача их из тыла за недостатком была прекращена. После нескольких дней частям пришлось оставить город и отойти за р. Ирпень.

45-я дивизия, не успев отдохнуть, спешно была погружена в вагоны и отправлена на выручку Петрограда, над которым в это время нависла угроза со стороны армии Юденича. Прочие войска правобережной группы также грузились в поезда для отправки через ст. Коростень — Калинковичи — Гомель, где должны были разгрузиться и пешком двигаться в район Чернигова, который к этому времени уже был занят врагом. На всем правобережье против отрядов денкинцев, против «армий» Петлюры, галичан и отрядов поляков было оставлено 600 бойцов пехоты и несколько бронепоездов, а 30 тыс. бойцов пехоты. 2 тыс. бойцов кавалерии и до 180 орудий потянулось в район Чернигова для решительного боя не

только за самый город, но и за весь район Черниговщины и Нежинщины, как подступов к гор. Киеву.

Силы сосредоточились по р. Десне от Чернигова до Сосницы. Несколько дней гремела красная артиллерия под Черниговом. Упорные бои на всем участке р. Десны сломили противника, и он поспешно начал отходить на юг; красная конница бросилась на Бахмач. Захваченные пленные показывали, что в тылу у противника восстания; об этом же говорили и захватываемые в его штабах телеграммы, из которых было видно, что деникинцы повздорили из-за Киева с петлюровцами и ведут друг с другом бои. Все же фронтовые части белых под Черниговом не были дезорганизованы, но местами враг не только не оказывал нам сопротивления, но и переходил к нам целыми отрядами...

Припоминается случай, когда в одной деревне, около шоссе Чернигов — Козелец, один из красных полков, преследуя врага, расположился по квартирам, выставив легкие отряды охранения. РВС армии прибыл в этот полк для выдачи наград бойцам. В самый разгар мирной беседы за чашкой украинских щей вдруг со всех сторон поднялась ружейная, пулеметная и артиллерийская стрельба. В хате началась ужасная суматоха: крестьянки запихивали своих детей под печь и сами лезли туда же; крестьяне бранились и лезли на печь; командиры выскочили на улицу, где все невероятно перемешалось: кони неслись с повозками без управления, люди бежали по всем направлениям, беспечно стреляя в воздух; только за одной из околиц успокаивающе тарахтел пулемет. Все бросились к нему, и образовался маленький отрядик для организации противодействия врагу. Через полчаса из тыла появился развернувшийся красный полк из резерва; деревня была вновь занята, и, успокоившись, шутили над своими же действиями во время паники. Оказалось, что только два пушечных броневика белых с эскадроном кавалерии прорвались в деревню.

Часто были боевые недоразумения при встрече отрядов с огромными крестьянскими обозами, тянувшимися из района Чернигова на юг и обратно: их принимали за военные обозы белых, и какой-нибудь красный кавалерист, развернувший свою часть для атаки без предварительной разведки, чувствовал себя сконфуженным, когда, доскакав до обоза, встречал растерянный вид и отборную ругань «дядьков». Возы, следовавшие с севера, в большинстве были нагружены глиняной посудой, которая предназначалась в обмен на соль где-то за Ромнами и Лубнами. Дядьки как следует не знали, где именно можно получить эту соль, и в своем движении руководствовались лишь указаниями погонщиков встречных обозов, шед-

ших с телегами, уже нагруженными солью. Часто приходилось сталкиваться с целыми таборами семейств беженцев из западных губерний бывшей империи, все распродавших, купивших лишь клячу и ободранную бричку и тянувшихся к своей родине в виде какой-нибудь халупы или кутка в помещицкой усадьбе.

Это были самые несчастные люди. Не понимая происходящей борьбы, не участвуя в ней, бежавшие от «фронта» еще империалистической войны, они оказываются здесь в положении, когда приходится отстаивать свою лошадь и бричку от попыток забрать их для грузов то белой, то Красной Армии. Они должны отбивать все попытки «зеленых» (дезертиров армий гражданской войны, скрывавшихся в лесах) отнять у них уцелевший скарб. Вот почему они живут и двигаются таборами, построенными по признакам отдельных уездов или сел. Особо громоздки эти скопления при переправах на речках. При встрече беженцы высказывают радость по поводу отступления белых и робкую опаску, не заберут ли красные их подводы. От них легче всего можно было узнать о расположении противника и о направлении его отхода.

Весь район жил и двигался, как муравейник. Одни воевали, другие меняли и торговали, третьи спасали свой скарб и стремились к неизвестной родине, четвертые спешили к родному очагу. Но в противовес этому оживленному движению в каждой хате можно было увидеть прикрепленного к лавке больного сыпным тифом. При постоях в деревнях хаты уже не занимались, хотя осенний холод и старался в них загнать.

Два месяца борьбы на пространстве от Чернигова до Днепра, и красные войска оказались вновь под стенами Киева, но уже с восточной стороны. Несмотря на декабрь, река еще не замерзла, но не было ни лодок, ни барж на левом берегу, хотя разведчики излазили все затоны, все ручейки. Впрочем, если бы даже и нашлись утлые суденышки, переправа на них была бы невозможна из-за «сала» и отдельных льдинок на реке. Мосты остались целы, но при подходе к ним от Печерской лавры откуда-то из глубины города начинает «крыть» артиллерия; у цепного моста изредка тарахтели пулеметы. Существовала только одна возможность переправы: ночью морозы крепчают, и есть надежда, что реку между островами затянет.

Было высмотрено наиболее надежное для такой переправы место; могущую мешать артиллерию предполагалось задуть своим огнем, но для этого надо было точно изучить расположение орудий. Наиболее удачной для этого была ночь, когда огонь выстрелов резко виден.

Красным артиллеристам удалось вызвать огонь противника. На следующую ночь в районе Дарницы установили 28 орудий, их основные направления намечались на скат бугра перед каменной стеной лавры. С водонапорной башни от Дарницы вся прибрежная местность была прекрасно видна. При первом крепком морозе под прикрытием орудий пехота ночью должна была двинуться вперед. В прибрежном домике рыбака помещались власти города с будущим комендантом города и кадром караулов для зданий и складов военного и общественного значения. Войска по захвату города должны были как можно быстрее выйти на западную его окраину, которая будет атаковываться со стороны ст. Бородянки находящейся на правом берегу 58-й стрелковой дивизией. Подготовка закончилась, а для переправы возможности не было, атака вдоль мостов дала бы большие жертвы. В один из томительных вечеров ожидания старик крестьянин из района Осокорки явился в полк 44-й стрелковой дивизии и вызвался проводить по спершимся льдинам на правый берег Днепра. После короткой подготовки пехота начала движение по льдинам. Уже почти переправились на другой берег, как вспыхнули выстрелы с бронепоезда белых у мостов, загорелись вспышками выстрелов кустики ската у лавры. Красная артиллерия также начала работу...

Утром весь город был в руках красных. На станции были захвачены последние эшелоны эвакуирующихся. Вновь выдвинутые части преследовали противника; участвовавшие в ночных боях были собраны в здании бывшего кадетского корпуса, и после митинга, где разъяснялось красноармейцам их отношение к населению города, РВС армии устроил завтрак для славных бойцов богунцев и таращанцев. Эти полки, состоявшие из селян Черниговщины, Киевщины и Волыни, отличались особой стойкостью и революционной сознательностью. На них должна была лечь охрана города в первые дни после его занятия, пока не сформируются комендантские команды.

Жизнь в городе замерла. На продовольственных складах пусто. Все госпитали и больницы заполнены больными тифом. Водопроводы и освещение в порядке, но топлива и материалов нет. На станции оставлено три горящих паровоза и большое количество вагонов. Подвезти что-нибудь немедленно было нельзя из-за подорванных мостов на реках Днепре и Здвиже. Быстро сформировались команды для заготовки топлива в роще Святошино и на дачах, к нему прилегающих. Удалось реквизировать подобие масла для машин на водокачке. Кое-что было подброшено из продовольствия. В первую очередь оно направлялось больным по госпиталям, кото-

рые РВС пришлось объехать, чтобы выяснить положение, так как в одних персонал был болен, в других бежал к белым.

Вот Александровская больница. Все койки заняты, в коридорах и на площадках лестниц лежат больные. Оставшийся немногочисленный персонал жалуется, что некуда девать умерших, так как не успевают хоронить, а в морге скопилось до 2 тыс. трупов. Идем туда. Уже в дверях, под лохмотьями, наполненными вшами, лежат трупы детей и стариков, весь коридор заполнен ими. В главном зале с огромными стеклами до самого потолка вповалку лежат груды мертвых тел. Картина, от которой темнеет в глазах... Весь день рота саперов рыла общую могилу для трупов, а ночью их перевозили туда три трехтонных грузовика. Тяжелая работа, но красноармейцы молчат и, стиснув зубы, борются с очагом заразы.

В госпитале при эвакуационном пункте, в непосредственной близости к вокзалу, в прихожей сестра предлагает надеть халаты. Внимательно осматриваем их и на каждом находим по нескольку вшей. Сестры смущены, но сейчас же объясняют, что халатов хватает лишь на одну смену дежурящего персонала, а мыть их некогда. На вопрос: «Где врачи?» — отвечают, что все больны и находятся во втором этаже. Нетопленное, сырое здание сплошь заполнено людьми с блестящими, лихорадочными глазами; здесь слышится бред, там — агонизирующий хрип. Перед нами надпись: «Палаты для медицинского состава» (оказывается, это врачи и сестры лежат под кожаными шубками и дрожат от холода и страха перед большевиками).

Быстрая проверка действительно больных показала, что ни одного с нормальной температурой нет. Поставить немедленно готовый «красный» персонал не было возможности. Мобилизовать оставшихся в городе врачей нельзя было без регистрации. Решили выделить врачей из полков, чтобы как-нибудь заполнить эту зияющую дыру; но прежде всего нужно было отопить этот «дом смерти», по ошибке называвшийся госпиталем, и накормить его обитателей. Опродкомарм* обещал дать диетпродукты, но под руками их еще нет. На первое время нашли выход: послать товарообменную экспедицию в ближайшие села на автомобилях (предмет обмена — керосин).

Дело началось с внеплановой операции. Да оно и не могло быть иначе, так как каждый план подразумевает какие-то наличные материальные ресурсы, а их мы не имели. Так или иначе через неделю жизнь в городе внешне уже вошла в рус-

* Комиссия по снабжению армии продовольствием.— *Ред.*

ло. Только по ночам кое-где слышна была стрельба, и носились слухи, что банда Струка ворвалась на Подол или бандит Ангел подходит к Святошину, а бандит Козыдуб обобрал обоз связи у дер. Ставище, и т. д.

Войска противников потянулись на юг и юго-запад от Киева. В преследовании захватывали пленных деникинских, петлюровских и галицийских частей. Поступили сведения, что отряды партизана Тютюника прорвались в район Цветково и напали на сахарный завод; часть этих отрядов будто уже перебралась в левобережье и разгромила вновь организованные ревкомы на Переяславщине и в Золотоноше; что рядом с Киевом, на ст. Бровары и Бобновцы, неизвестными бандитами совершено нападение на станцию и сахарный завод. Как после большого пожара на пепелище здесь и там вырываются огненные языки внезапно вспыхивающих головешек, так и в дни переломных периодов войны видны вспышки очагов борьбы. Но к январю, кроме этих последних вспышек борьбы в тылах, уже ясно стал вырисовываться новый фронт борьбы с нарастающим новым противником.

НОВЫЙ ВРАГ И НОВАЯ БОРЬБА ЗА КИЕВ

Ко времени занятия Киева мы формально не были в войне с поляками. Советское и польское правительства периодически вступали в переговоры (28 января 1920 г.). Советское правительство подтвердило признание независимости Польши и предлагало начать переговоры о мире, указав, что красные войска не будут переходить западнее линии р. Птичь, ст. Белокоровницы, м. Чуднов, м. Деражня и Бар. Но, несмотря на переговоры, уже в январе обозначилось стремление со стороны поляков захватить как можно больше территории. Они завязывали с нами ряд боев, стремясь оттеснить красные части к гор. Мозырю. Их продвижение обозначалось у гор. Овруча, и уже несколько раз они атаковывали Новоград-Волынский; обозначилось их продвижение и к гор. Бердичеву. В большинстве своих попыток поляки имели успех, так как красные части, втянутые в борьбу на юге с отходящими частями Петлюры и Деникина, не могли выставить против них значительные силы. Стали поступать сведения, что Петлюра заключает соглашение с поляками о совместных действиях против советских войск. Уже от Петлюры начали отбиваться кое-какие части и переходить на сторону красных. Так, бригада Волоха в районе Умани объявила себя Украинской Красной Армией и желала получить приказ для действий против Петлюры.

От галицийского командования прибыли депутаты для пе-

реговоров о заключении военного соглашения против поляков. Три галицийских корпуса к началу января группировались к югу от гор. Звенигородки. Эта армия возникла из остатков старой австро-венгерской армии и добровольческих формирований в 1918 г., после революции в Австрии, в период провозглашения Восточной Галицией своей независимости. Вскоре этой молодой армии пришлось вести борьбу с поляками, имевшими притязания на Восточную Галицию как на одну из своих областей. Война длилась до июля 1919 г., когда галицийская армия под натиском сформированной во Франции польской армии генерала Галлера принуждена была со своим правительством перейти на территорию Украины. Украинская директория втянула эту армию в борьбу и против белых и против красных. В момент захвата деникинцами Киева галицийская армия также подошла к нему, но капитулировала перед белыми и теперь отступала вместе с ними.

Все перипетии борьбы подготовили солдатскую массу к революции, и теперь она искала общих путей с красными. К концу февраля 1920 г. было заключено соглашение с этой армией, и тов. Порайко получил полномочия на проведение реорганизации и объединения командования в галицийских войсках, расположенных к югу от Звенигородки, с тем чтобы эти войска в ближайшее время выдвинулись фронтом на запад против поляков. Район правобережья еще не был организован в смысле гражданского управления. Волостные революционные комитеты не имели силы, на которую могли бы опереться.

Местное селянство в течение многих лет привыкло жить за счет войска. Царская армия здесь заготавливала продукты для войск Юго-Западного фронта, она же бросила здесь все свое имущество при стихийном оставлении фронта. Проходившие австрийцы тоже бросали свои обозы, гайдамаки оставили свое «майно», и, таким образом, среди некоторой части населения выработался тип паразита, живущего наживой и ждущего безвластия, которое всегда существует при отходе одной из армий и при выдвижении другой, с тем чтобы «тряхнуть» сахарные заводы, «подсчитать» кассу селянской рады и т. д. Это полуоседлые бандиты, которые с одинаковой готовностью примыкают ко всякому предприятию, где была хотя бы небольшая надежда поживиться чужим добром.

Когда при нашем преследовании деникинцев последними на ст. Фастов было брошено несколько составов с имуществом, не только окрестное селянство прибыло за «майном», но за сотни верст тянулись обозы за получением своей доли. При каждом захвате у противника сахарного завода прихо-

дилось выдерживать приступы окрестного селянства, прибывавшего за очередной дачей «цукру».

К этому оно было приучено различного рода комендантами петлюровских, галицийских и всякого рода атаманских войск. Сахар являлся если не звонкой, то во всяком случае блестящей разменной монетой. На местечковых базарах все расценивалось на «группки» сахару.

Деревня испытывала, как и везде, большую нужду в мануфактуре и керосине. Последний частично здесь заменялся растопленным салом, а в Волынской губернии и ранее применялось освещение из «калишек» (мелкие дрова) на таганце. По внешности район принимал Красную Армию приветливо, и только грабежи в глубоких тылах войск указывали на опасность дезорганизации некоторых районов. Самым ужасным было огромное скопление по селам больных сыпным тифом: в некоторых деревнях насчитывались только единицы здоровых. При поездке в район Жмеринка — Казатин — ст. Попельня можно было видеть разросшиеся в несколько раз кладбища. Медицинская помощь отсутствовала за неимением врачей. Две трети галицийской армии лежали по деревням больные тифом.

Красные части также были сильно ослаблены убылями в предшествовавших боях и, главным образом, убылью от тифа. Достаточно сказать, что в некоторых полках количество бойцов не превышало 50 человек.

Люди нерегулярно получали еду, лошади были до крайности истощены ввиду нехватки фуража, обувь выдавалась примитивного устройства: лапти, «мозаичные» ботинки и рядом с этим английские ботинки от времен империалистической войны — «по пуду весом», как говорили красноармейцы.

Несмотря на все это, в частях настроение было хорошее. Уже начали вливаться пополнения. Пешком от гор. Курска через Киев в район армии медленно продвигались резервы. От пленных польских солдат узнавали о все прибывающих к ним подкреплениях. Перебежчик 35-го Холмского полка, принятый в районе р. Припяти, показал, что скоро готовится наступление с целью захвата гор. Мозыря; старые солдаты (от 35 до 40 лет) заменены молодыми; что весной перейдут в наступление для восстановления Польши в ее исторических границах.

Наступления не пришлось долго ожидать. В течение 23 и 24 февраля поляки вели настойчивые бои на участке от Жлобина до р. Припяти; вели наступление и южнее, но здесь были отбиты, а в районе р. Припяти продвинулись до гор. Речицы на р. Днепре. При таких условиях существование какой-то условной границы, которую красные войска

не могли переходить, теряло смысл. На удар надо было ответить ударом. В марте малочисленные, но сильные духом части 58-й стрелковой дивизии и 17-я кавалерийская дивизия с танками, захваченными у белых под Ростовом, прибыли в Киевский район и нацелились для атаки поляков под Новоград-Волынским. От неожиданного появления танков со стороны красных и смелой атаки пехоты и конников 58, 7 и 17-й кавалерийских дивизий поляки смешались, бросили окопы и побежали. Наши части захватили несколько деревень на западном берегу р. Случ. Бой у Новоград-Волынского продолжался несколько дней, но значительного продвижения здесь не было. Пленные Ржешевского полка показали, что поляки сами готовились здесь к наступлению и что удар красных для них был неожиданным; от Ровно и Луцка к месту боя были подтянуты свежие дивизии.

Наступившая весенняя распутица прекратила крупные боевые столкновения. Изредка над нашим расположением появлялись польские аэропланы. К концу апреля 1920 г. стали поступать сведения о скоплении крупных польских сил у Новоград-Волынского. Спустившиеся в нашем расположении из-за остановившегося мотора польские летчики косвенно указывали на готовящееся польское наступление для захвата Киева.

Уже Конная армия Буденного двинулась походным порядком из района Ростова-на-Дону через всю Украину в Киевский район для его защиты, но прибытия ее скоро ожидать было нельзя — надо было организовать сопротивление наличными силами.

Ко второй половине апреля достаточно подсохло; усилилась летная деятельность авиации. Начиная с 17 апреля польские аэропланы сбрасывали прокламации на русском языке на ст. Коростень, в районе Житомира и Бердичева. Прокламации призывали к борьбе против большевиков. Наши самолеты отметили оживление в передвижении польских частей в районе Новоград-Волынского. В галицийских частях 2-й бригады отмечалось значительное оживление работы петлюровской организации. Все донесения указывали, что на эту бригаду полагаться нельзя. Член РВС тов. Затонский выехал в галицийские части для проверки поступающих сведений.

23 апреля 2-я галицийская бригада с оружием в руках выступила против Красной Армии. Для ликвидации этого выступления на юг от Бердичева двинулись из Житомира части 58-й стрелковой дивизии. Части галичан, расположенные в Киеве, были обезоружены. 24 апреля в непосредственной близости к фронту партизанами был взорван железнодорож-

ный мост на линии Коростень — Киев; телеграфные провода на шоссе Житомир — Киев перерезались бандитами. В такой обстановке между пятью и шестью часами утра 25 апреля поляки начали наступление главным образом вдоль шоссе от Новоград-Волынского на Житомир. Начальной целью своих действий они ставили: разъединить силы красных на две группы, окружить и уничтожить войска красных, отрезанные к северу от Житомира, а затем свободно двинуться на Киев.

Бои под Новоград-Волынским с нашей кавалерией были скоротечны, и поляки, погрузив на автомобили пехоту, начали свой марш на Житомир. Здесь они встретили сопротивление красных частей, организовавших оборону в непосредственной близости к городу. В ночь на 26 апреля поляки несколько раз переходили в атаку, но отбивались незначительной частью оставшихся полков 58-й стрелковой дивизии. Утром 26 апреля поляки заняли город. В районе к востоку от Коростеня им удалось лесами провести свою кавалерию в тыл красным частям, и они, взорвав железнодорожный мост, заняли ст. Малин. Красные части оказались в затруднительном положении: окруженные, они вынуждены были вести бой изолированно. Наши аэропланы, высланные 27 апреля, определили, что бои развиваются юго-восточнее и южнее Бердичева. В Киеве из мобилизованных рабочих арсенала и членов профсоюзов были сформированы отряды для помощи войскам, дерущимся на фронте (силы поляков были значительны; боями определились на киевском направлении до 5 дивизий пехоты и 2 дивизий кавалерии, в общей сложности 25—30 тыс. бойцов). Красные части в первый момент вместе с галичанами насчитывали в этом районе до 7500 бойцов.

Цель борьбы красных состояла теперь в том, чтобы выиграть время до подхода Конной армии и подкреплений с других фронтов и затем ударить по зарвавшемуся врагу. Как только окруженные части пробились и получили свободу действий, начался постепенный отход с рядом последовательных боев на р. Тетереве, р. Западной Двине, р. Ирпене, и, наконец, 6 мая красные части без боя оставили гор. Киев и отошли на левый берег р. Днепра. Мосты через р. Днепр были подорваны лишь в проезжей части, но фермы оставались на своем месте. В ночь на 9 мая полякам удалось прорваться по цепному мосту на левый берег Днепра. В этом районе завязались упорные бои, которые продолжались до середины мая, пока не подошла Конная армия Буденного к гор. Белой Церкви, а в район Киева не подошли подкрепления в виде конной Башкирской бригады и 25-й стрелковой дивизии.

Продвижению и успехам поляков отныне был положен окончательный предел. Из Киева поступали сведения, что там объявлена мобилизация для зачисления в петлюровскую армию, что начались раздоры между поляками и петлюровцами. Уже к концу мая Конная армия Буденного развернулась в Умани для прорыва поляков в этом районе и выхода на тылы их войск, стоявших под Киевом. Тем временем и севернее Киева готовились к переправе через Днепр Башкирская конная бригада и стрелковые красные части, которые должны были сбить польскую кавалерию с правого берега Днепра и быстро выдвинуться к железной дороге Киев — Коростень в районе ст. Тетерев и Бородянки, с тем чтобы не позволить полякам отходить на северо-запад от Киева. Переправа этих частей должна была быть поддержана речной флотилией, сосредоточенной у м. Лоева (около 160 км севернее Киева).

А непосредственно примыкавшая к Днепру и расположенная в районе юго-восточнее Белой Церкви группа тов. Якира уже завязала бои с польскими частями.

К концу мая поляки так оценивали положение:

«...Между тем положение изменилось. Стало известно, что Красная Армия получила приказ о начале наступательных действий. Перед фронтом нашей 2-й армии группировались значительные силы красных, между ними определился конный корпус Буденного в районе м. Звенигородки. На Днепре определены приготовления к переправе... Руководящей мыслью польского командования было удержать настоящий фронт таким образом, чтобы всякий натиск противника отбросить тотчас же сильной контратакой».

Противник, месяц тому назад наносивший удары, теперь уже думал только об их отбитии, но и это ему не удалось. Конная армия, прорвавшись в тыл противника в районе Бердичев — Житомир — Коростень, нарушила его управление и работу под Киевом; группа тов. Якира начала свое продвижение от Белой Церкви к северу по непосредственным тылам польских войск у Киева, а группа из 7-й и 25-й стрелковых дивизий и Башкирской бригады уже переправилась через р. Днепр у дер. Печки и устремилась наперерез железной дороге Киев — Коростень.

2 июня поляки повели наступление на левом берегу Днепра на восток от Киева, но это была лишь маскировка окончательного оставления Киева.

Все дни до 10 июня красные части «прошупывали» поляков наступлением отдельных отрядов. В ночь на 10 июня три полка 58-й стрелковой дивизии переправились через р. Днепр у дер. Осокорки, но затем под давлением поляков отошли

на левый берег Днепра, расположившись от железнодорожного моста до цепного. Поляки взорвали эти мосты. Цепной мост, представлявший редкостное сооружение и не тронутый во весь период гражданской войны ни одним из противников, превращен был ими в груды развалин из железа и стали.

11 июня Киев был занят красными войсками. В это же время на запад от него, в районе ст. Бородянки, польская армия жгла свои обозы, бросала пушки и автомобили, стремясь вырваться из кольца советских войск. Это ей удалось ценой больших потерь. Вся затея Польско-Украинской федерации была похоронена в этом неудачном походе на Киев.

«Гражданская война 1918—1921». В трех томах. Под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Т. 1. М., Изд-во «Военный вестник», 1928, стр. 275—294.